

ДИСКУССИОННАЯ ПЛОЩАДКА

УДК 330.101

DOI: 10.26456/2219-1453/2025.1.260–268

МОДАЛЬНАЯ СТРУКТУРА ЭКОНОМИКИ

В.П. Федоров

Московский государственный институт международных отношений
(Университет) МИД РФ, г. Одинцово, Россия

Статья посвящена обоснованию необходимости расширения предмета экономической теории за счет включения в него де-юре должной и возможной модальностей, т.е. всего разнообразия норм и стимулов, которые уже де-факто являются инструментами экономического анализа. Новизной исследования является сама постановка вопроса о модальной структуре экономики, а также, предложение по внесению в гипотезу рациональных ожиданий концепции нормально распределенной рациональности.

Ключевые слова: модальная структура, сущее, норма, стимул, позитивная теория.

Доминирующее течение современной экономической теории последовательно и настойчиво аттестует себя как позитивная экономическая теория. Что значит эта аттестация? Насколько она соответствует реальности развития научного знания об экономике? И наоборот, какова доля риторики в этом самоназвании? Как получилось, что наука буквально «напичканная» нормами и строящая свои теоремы посредством понятий стимулы, предпочтения, склонности и ожидания продолжает отрицать долженствование и сферу возможного как свой предмет? Откуда это устойчивое желание сузить предмет экономической теории только сущей модальностью? С ответа на этот вопрос мы и начнем представление нашей гипотезы о расширении предмета экономической теории до полноценного отражения в ней всего богатства модальной структуры экономики.

Что понималось под позитивностью экономической науки изначально? Сама идея была сформулирована в начале XIX в., когда под напором управленческой активности очевидным анахронизмом стал выглядеть тезис XVIII в. о политической экономии как естественной науке. Наблюдаемые вариации режимов управления экономикой в разных странах, поток проектов социальных реформ, дифференциация научных доктрин привели к неизбежному выводу, что надо вводить разграничение исследования, собственно, того, что есть (сущее) и дискуссию о должных и возможных порядках управления экономикой. Именно тогда была обозначена принципиальная дихотомия между позитивной наукой и искусством управления [13], и политическая экономия стала именоваться не естественной, а позитивной теорией. Политическую экономию перестали уподоблять классической физике или биологии, стали избегать

отождествления её с естественными науками, а присвоили ей тот самый особый статус позитивности, который нас и интересует.

Эпистемологические нюансы этого названия станут понятнее, если упомянуть, что эта английская идея вступила в «перекличку» с чрезвычайно влиятельным в то время «Позитивным курсом философии» Огюста Конта [4], который сконцентрировался на полемике с немецкой метафизикой, что не могло не вызвать положительного отклика английских политэкономов. Говоря об идее позитивности политической экономии XIX в., нельзя не оговориться, что эта идея отвергалась в конкурирующем мировом научном центре экономического знания – в Германии, – где экономику рассматривали как одну из наук о культуре, абсолютизируя разнообразие традиционных, идеологических и культурных нюансов, формирующих богатую палитру немецких экономических порядков. Но исторические обстоятельства рубежа веков именно английскую идею позитивности сделали доминирующей в XX в.

Кризис идеи позитивности как непосредственно наблюдаемой реальности пришелся на период между двумя мировыми войнами, когда глобальный капитализм переживал период общего кризиса. Социалистическая революция в России продемонстрировала потенциал радикальных идей, которые овладевают массами. Сама постановка вопроса о возможности хозяйствования без капитала и рынка была способна «похоронить» позитивный статус экономической теории. Какой смысл замыкаться на сущей реальности, если её можно радикально переделать! Но социалистическая альтернатива оказалась не единственным испытанием для позитивной теории. Реалии бурных 20-х гг. и последующей Великой депрессии заставили ведущих экономистов предложить такой набор инноваций, что культивирование *status quo* стало очевидной архаикой. Акцент на неопределенности будущего, на ожиданиях, склонностях и предпочтениях, подчеркивание роли государственной активности, которые мы связываем прежде всего с именем Дж. М. Кейнса, буквально перетряхнул экономическую теорию, вернув ей утраченный было авторитет и внимание практикующих политиков.

Экономическая теория, казалось, стояла на пороге поистине революционного отрицания своего исключительно позитивного статуса. Но этот потенциал кейнсианской революции был купирован и направлен в иное русло. Усилиями в основном К. Поппера и М. Фридмена [7; 10] идею реальной позитивности переформатировали в условно-аналитическом смысле, предложив анализировать вмененную реальность, заменив сущую, непосредственно наблюдаемую реальность на условно-сущую, убедив себя, что нереалистичность предпосылок анализа не важна, а важна лишь предсказательная ценность теорий. Эта ситуация – несмотря на непрекращающуюся критику с разных позиций – сохраняется по сей день.

Таким образом, сегодня позитивность экономической теории следует понимать как особый гносеологический прием, когда система теоретического знания основывается на условных предпосылках, которые вменяются субъектам экономики. Эти предпосылки заведомо не

реалистичны. Но они поддаются математической формализации и позволяют выдвинуть ряд теорем, которые описывают идеальную рыночную экономику рациональных субъектов и совершенной конкуренции. Непрактичность этого образа компенсируется формулировкой конкретных условий, при которых реальная экономика могла бы приблизиться к этому абсолютно рациональному идеалу. На агитации за практическое принятие этих условий строится неолиберальная экономическая политика.

В качестве иллюстрации приведем одну из центральных теорем так называемой новой макроэкономики – гипотезу рациональных ожиданий (ГРО). Вместе с теорией реального делового цикла и теорией эффективных рынков они формируют ядро мейнстрима сегодня. Сформулированная в своей первой редакции ещё в 1961 г. [12] ГРО усилиями прежде всего Р. Лукаса и Т. Сарджента [11] к концу XX в. оказалась в эпицентре неолиберализма, потеснив несколько «потускневший» монетаризм. Этот почетный статус обеспечивался значением гипотезы для обоснования либеральной позиции в дискуссии о границах целесообразности дискретной экономической политики сегодня. Если угодно, она служит теоретическим фундаментом для либерального скепсиса в отношении регуляторного активизма в экономике.

Согласно ГРО, любые управленческие инициативы правительства уже учтены и отыграны рациональными агентами, в силу чего они оказываются либо бесполезными, либо несвоевременными, либо даже вредными. Фундаментальная условная предпосылка ГРО – это рациональный и исчерпывающе осведомленный хозяйствующий субъект, который не просто сканирует намерения правительства, но и способен спрогнозировать комплексные и долговременные последствия предполагаемых решений, сформировав безупречно рациональные ожидания.

Обычно эту гипотезу критикуют за ее нереалистичность. Но такого рода критика не вызывает особых проблем у сторонников ГРО, ибо уже давно М. Фридменом сформулирован принцип приоритета предсказательной ценности теории над ее реалистичностью [10, с. 213]. Мы же обратим внимание на парадоксальную особенность фундаментальной теоремы позитивной экономической теории: ее центральные понятия нельзя отнести к сущей реальности. Они, скорее, взяты из иных модальностей и подогнаны под стандарты позитивной теории.

Действительно, общепризнанно, что ожидания непосредственно не наблюдаемы. Но эти феномены общественного сознания можно выявить и измерить посредством опросов. И проведение опросов в отношении конъюнктурных, инфляционных, регуляторных и т.п. ожиданий стало обычной практикой государственного управления. Все теоретики ГРО без тени сомнений различают ожидаемую и наблюдаемую реальность. Ожидания – это не то, что есть, что состоялось. Это некая иная реальность. Но это и не должное. Ожидания – не норма. Это скорее нечто возможное. Но возможное очень особенное, становящееся частью мотивационного

комплекса субъекта. Агентам экономики вменяется способность в том или ином режиме реагировать на все события экономической жизни, корректируя свои ожидания [6, с. 192–218].

Таким образом, ожидания – это феномен общественного сознания, некий прогноз будущего, который распределен по агентам экономики, динамично ими корректируется, характеризуется высокой степенью вероятности и является одним из побудительных мотивов их поведения. Очень важный элемент этого определения – репрезентативность агента. Позитивная теория приняла для себя условную предпосылку, что все агенты экономики одинаковы. Поэтому ожидания типичного агента можно распространить на всю экономику в целом.

Итак, каким же образом ожидания – феномен модальности возможного – оказываются ключевым элементом гипотезы рациональных ожиданий, ключевой теоремы позитивной экономической теории, которая настаивает, что занимается только сущей модальностью? Ответ очевиден, посредством вменения этим ожиданиям предопределенной рациональности. Между реальным модальным богатством экономики и возможностью формализации теории ортодоксия выбирает последнее. Именно поэтому реально не наблюдаемые, распыленные в обществе и субъективно дифференцированные ожидания оказываются у позитивной экономической теории рациональными как калькуляторы, одинаковыми как кровати в казарме и *a priori* осведомленными как древнегреческие оракулы.

Но может быть иного способа выразить сущность экономических отношений не существует? Может быть это неизбежное абстрагирование от реальности? И да, и нет. Если на уровне микроэкономики гипотеза рационального максимизатора полезности – *Homo oeconomicus* – представляется обоснованной абстракцией, ибо практически не имеет альтернатив. Нельзя построить экономическую теорию на предпосылке нерационального субъекта! То на уровне макроэкономики – а это принципиальное поле практического приложения ГРО – типизация субъектов и вменение им всем унифицированных рациональных ожиданий вызывает принципиальные возражения.

Вменять обществу в целом рациональность суть совершенно не оправданное упрощение объективной реальности. Ибо мы понимаем, что рациональность не распределена в обществе равномерно, она подчиняется более сложной закономерности. Индивид в меру рационален, но далеко не всегда и не во всем. Есть более рациональные субъекты, своеобразные «ультра-рационалисты» – Штольцы, а есть их антиподы – Обломы¹ (рис. 1). [9, с. 141]

Но под влиянием конкуренции происходит «научение» рациональности. Общество постепенно становится все более и более рациональным. Здесь будет не лишним вспомнить знаменитую полемику между Максом Вебером и Вернером Зомбартом по поводу

¹ Использованы фамилии персонажей романа И.С. Тургенева «Обломов».

того, протестантская этика или этика иудаизма сформировали дух капитализма [2; 3]. Итоговый вердикт этого спора сейчас не важен. Существенно, что давно замечена историческая тенденция научение рациональности, которая, кстати, не отрицается и сторонниками ГРО. Но у них учиться, учитывая ошибки своих предыдущих ожиданий, типичный агент, корректируя свою вмененную рациональность [6, с. 197–200]. Но эта неравномерно распределенная рациональность исключает вменение обществу в целом абсолютной рациональности. Эта рациональность относительна. Она воспроизводится, она нарастает, но не исключает при этом элементов нерационального поведения. При этом все относительно. То, что вчера было относительно рациональным, сегодня становится уже частью отсталого, нерационального поведения.

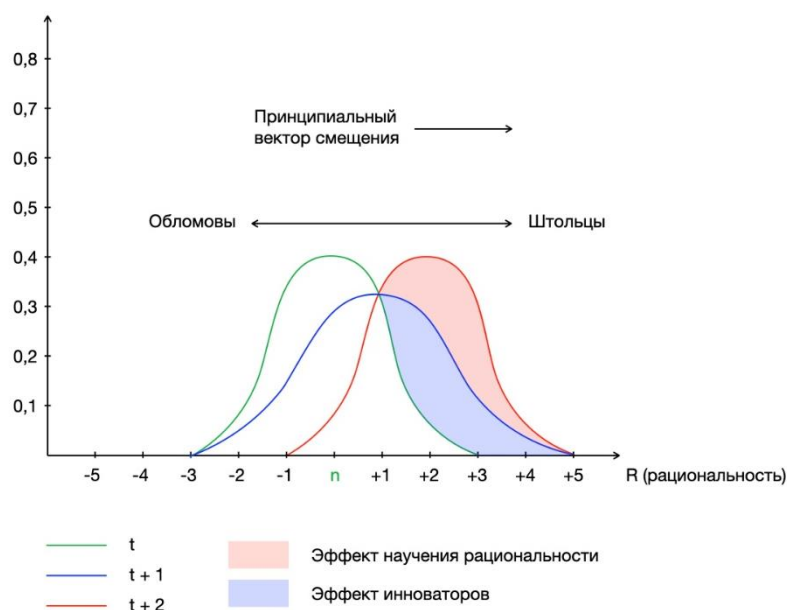

Рис.1. Гипотеза распределенной рациональности

Таким образом, на уровне макроэкономики агрегирование якобы рациональных типичных агентов — это неприемлемое условное допущение, которое, наверное, комфортно, с точки зрения построения математических моделей, но необоснованно, далеко уводит нас от реальной действительности. Гораздо более обоснованным будет закладывание в макроэкономические модели не агрегированного типичного рационалиста, а нормальное распределение совокупной рациональности в обществе.

Но если признавать неприемлемость агрегирования рациональности вообще и рациональных ожиданий в частности, тогда тезис исключительной позитивности экономической теории лишается своей фундаментальной опоры: не вменив всему обществу рациональность, нельзя ограничивать

предмет исключительно сущей модальностью. Мы вновь и вновь оказываемся перед необходимостью критически пересмотреть это «усекновение» предмета нашей науки. Но если мы давно уже признали, что экономическая теория работает с неопределенностями и ожиданиями, то почему мы отказываемся сделать следующий шаг и признать, что предметом науки наряду с сущей модальностью являются должная модальность и модальность возможного? На наш взгляд, это неоправданный консерватизм. Де-факто экономисты широко анализируют нормы и стимулы, осталось только принять эту реальность мультимодального синтеза де-юре [9, с. 118–128].

Но какова модальная структура экономики? Что мы понимаем, когда говорим о ее мультимодальности? В своей принципиальной постановке гипотеза модальной структуры достаточно проста. Экономика изучает деятельность наделенных сознанием и волей людей. Поэтому необходимость в обществе принимает форму не естественного закона, а синтеза императивного долженствования и диспозитивного возможноствования (позволим себе *неологизм* – В.Ф.). Таким образом, складывается триединство сущей, должной и возможной модальностей. Экономика не мыслима без изучения того, что есть, поэтому она изучает товар, деньги, капитал, рабочую силу и т.п. Но исследователю не менее важны та совокупность норм, институтов и правил, которые формируют сферу долженствования. Без понимания и отражения того, что субъект должен делать, мы не можем представить научное отражение реальности. И, наконец, невозможно отрицать тот факт, что субъект действует, потому что он является носителем потребностей и интересов, а формой информационного обмена в экономике являются стимулы, которые ищут встречную заинтересованность. Встречные потоки стимулов и заинтересованностей формируют модальность возможного. И только в единстве сущего, должного и возможного мы получаем полную картину экономической жизни общества.

Сущая модальность экономики традиционна и общепризнана. Экономисты исторически хотели походить на естественную науку, поэтому акцентирование внимание на том, что есть, было предопределено. Конечно, и сущая модальность при ее детальном рассмотрении оказывается далеко не тривиальной. Ключевой фактор усложнения – время. Мы обречены дифференцировать сущую реальность на то, что было, есть и будет. Отсюда проистекает разделение экономических моделей на статику и динамику. Следующий шаг усложнения – признание неопределенности будущего как фундаментального свойства настоящего в экономике. Отсюда все богатство приведённых и вмененных состояний и величин. Но признавая изысканную сложность всех этих научных идей, все-таки нельзя абсолютизировать возможности этих инструментов, полагая, что с их помощью можно сконструировать самодостаточную условно-сущую реальность, которая заместит нам изучение реального мира.

И первый камень преткновения – это нормы. Формально говоря, они тоже есть, т.е. их можно отнести к сущей реальности. Но это стало бы

научно-необоснованным формализмом, ибо функционально норма занимает совершенно иное место в структуре экономики, чем обычные сущие феномены. Главное в любой норме состоит в том, что она является информацией о том, что должно быть. Сущая реальность вступает в хозяйственный оборот, трансформируется в нем, приобретает иные качества, выбывает из оборота и т.п. Норма не является предметом оборота. Это феномен, который несет информацию о том, что должно быть, а также о наказании за преступление этой нормы. Норма подвижна, она может меняться и даже «умирать», но она не является объектом хозяйственного оборота. Причем речь идет как о спонтанных нормах, рождающихся стихийно, так и о сознательном нормативном регулировании в обществе. Возьмем для примера такой фундаментальный феномен долженствования как среднюю норму прибыли. Она не является продуктом сознательного нормотворчества, но она является жесткой реальностью для любого предпринимателя. Если вы некое продолжительное время не достигаете этой нормы, то, скорее всего, ваш бизнес прекратит свое существование. Вы должны достигнуть этой нормы, в противном случае ваша фирма как сущая реальность будет неуклонно терять свою стоимость.

Противоестественность отторжения должной реальности позитивная теория признала – пускай и нехотя, и с оговорками – уже давно. Как следствие этого признания, сегодня говорят о скрытой нормативности позитивной теории, признают открыто нормативный характер таких разделов экономической теории как *Welfare Economics* [1, с. 348–356], рассуждают о позитивности как риторике [5, с. 399–418], отстаивая по сути только последний форпост отрицания модальности долженствования – идею свободы от ценностных суждений [2]. Но вот перспектива имплементации в теорию модальности возможного пока практически не обсуждается. Хотя де-факто эти категории активно «просачиваются» в инструментарий теоретического анализа. Мы уже касались категории ожиданий, без которой сегодня немыслимо представить современную макроэкономику. Ожидания – это то, что может быть произойдет. Это модальность возможного. Но мы можем предложить ещё более очевидный пример де-факто принятия возможной модальности.

Еще в 1961 г. Джордж Стиглер опубликовал свою, ныне классическую, статью об экономической теории информации, в которой анализировал цены как источник информации [8, с. 507–529]. Сегодня убеждать кого бы то ни было в значимости категории информации для любой науки излишне. Но мало кто обратил внимание на то, что трактовка цен как квантов информации «подсвечивает» их особую модальность. Мы традиционно акцентируем свое внимание на цену состоявшейся сделки. Но до сделки цена есть просто информация, предложение покупателю, которая апеллирует к его потребностям и интересам. И не факт, что заявленная цена станет частью сделки. Она может быть снижена, она вообще может быть проигнорирована рынком и т.д. и т.п. Таким образом, цена – как информационный сигнал – изначально представлена в модальности возможного, она является частью стимула, который направлен *orbi et urbi*, и

только после встречи с заинтересованным покупателем она станет частью сделки, т.е. сущей реальностью. Этот переход возможности в сущую реальность является основным содержанием целого ряда прикладных наук, прежде всего, маркетинга. Неужели он неинтересен экономической теории?

Но для того, чтобы увидеть теоретический срез проблемы как раз и требуется принять под свои своды саму модальность возможного. Тогда стимулы и заинтересованность перестанут быть невнятными служебными словами, содержание которых кажется очевидным, а станут существенным элементом теоретического анализа и еще более важным инструментом реализации практической функции экономической теории. Так как, именно тогда, когда экономисты-теоретики от изучения того, что **есть**, переходят к вопросам, а что **нужно** и **можно** сделать для решения экономических проблем, происходит «всплытие» из глубин абстракции к практике хозяйствования.

Итак, экономическая теория де-факто уже давно расширила свой предмет посредством включения в него норм и стимулов в тех или иных конкретных проявлениях. Имплицитно модальности долженствования и возможного уже стали частью нашей науки. Осталось признать этот мультимодальный синтез де-юре, что существенно расширит горизонты исследования, снимет устаревшие догматические барьеры и откроет возможности для продуктивного диалога с практикой хозяйствования.

Список литературы

1. Блауг М. Методология экономической науки, или, как экономисты объясняют / пер. с англ. М.: НП «Журнал Вопросы экономики», 2004. 416–с.
2. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Вебер М. Избранные произведения / пер. с нем. М.: Прогресс, 1990.
3. Зомбарт В. Буржуа. Евреи и хозяйственная жизнь / пер. с нем. – М.: Айрис-пресс, 2004. 624 с.
4. Конт, О. Курс положительной философии: в 6 т. – Санкт-Петербург: Книжный магазин товарищества «Посредник», 1900.
5. Макклоски Д. Риторика этой экономической науки // Философия экономики. Антология. – Москва: Изд-во Института Гайдара, 2012. С. 399–418.
6. Песаран М.Х. Ожидания в экономической теории // В кн. Панорама экономической мысли конца XX столетия / под ред. Д. Гринэуэя, М. Блини, И. Стюарта: В 2-х т. СПб.: Экономическая школа, 2002 г. Т.1.
7. Поппер К. Логика и рост научного знания. Избранные работы. М.: Прогресс, 1983. С. 33–235.
8. Стиглер Дж. Дж. Экономическая теория информации // В кн. Теория фирмы / под ред. В.М. Гальперина. СПб.: Экономическая школа, 1995. – 534 с.
9. Федоров В.П. Общая теория стимулов: монография. – Москва: КНОРУС, 2021. – 218 с.
10. Фридмен М. Методология позитивной экономической теории // Философия экономики. Антология. – Москва: Изд-во Института Гайдара, 2012. С. 177–216.

11. Lucas R.E., Sargent T.J. Rational Expectations and Econometrics Practice. London: Allen & Unwin, 1981.
12. Muth J.F. Rational expectations and the theory of price movements // *Econometrica*. 1961. Vol. 29. P. 315–335.
13. Senior W.N. An Introductory Lecture on Political Economy. – London: Mawman, 1827.

Об авторе:

ФЕДОРОВ Валерий Петрович – доктор экономических наук, доцент кафедры национальной экономики и экономического регулирования, Московский государственный институт международных отношений (университет); 143007, Московская область, г. Одинцово, ул. Ново-Спортивная, д. 3; e-mail: valpetrfed@gmail.com, ORCID: 0000-0001-9429-7367, Spin-код: 6953-9368

THE MODAL STRUCTURE OF THE ECONOMY

V.P. Fedorov

Moscow State Institute of International Relations (University), Odintsovo, Russia

The article is devoted to the justification of the need to extend the subject of economic theory by including in it de jure due and possible modalities, i.e. all the diversity of norms and incentives that are already de facto instruments of economic analysis. The novel study is the very questions of the modal structure of the economy, as well as a proposal to introduce into the hypothesis of rational expectations the concept of normally distributed rationality.

Keywords: *the modal structure, existence, norm, incentive, positive theory.*

About the author:

FEDOROV Valerij Petrovich – Doctor of Economics, Associate Professor, Associate Professor of the Department of National Economic & Economic Regulation, Moscow State Institute of International Relations (University); 3 Novo-Sportivnaya St., Odintsovo, Moscow Region, 143007; e-mail: valpetrfed@gmail.com, ORCID: 0000-0001-9429-7367, Spin-код: 6953-9368.

Статья поступила в редакцию 12.12.2024

Статья подписана в печать 17.03.2025